

ИСТОРИИ О ВАМПИРАХ

ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Young Adult. Сумеречная жажда. Классика

Брэм Стокер

**Любовь после смерти.
Истории о вампирах**

«ЭКСМО»

1819, 1836, 1900, 1905, 1914

УДК 82-82
ББК 84(0)я43

Стокер Б.

Любовь после смерти. Истории о вампирах / Б. Стокер —
«Эксмо», 1819, 1836, 1900, 1905, 1914 — (Young Adult.
Сумеречная жажда. Классика)

ISBN 978-5-04-192516-1

«Любовь после смерти» – сборник готических историй XIX века о вампирах. Увлекательный сюжет, яркие характеры, приятный ужас и капелька отменного юмора. В книгу вошли рассказы Джона Полидори, Фрэнсиса Кроуфорда, Хьюма Нисбета и Брэма Стокера. Издание понравится всем любителям вампиров, а также романов «Дракула», «Кармила», «Академия вампиров», «Интервью с вампиром», «Сумерки», «Красавица» и «Жажда».

УДК 82-82
ББК 84(0)я43

ISBN 978-5-04-192516-1

© Стокер Б., 1819, 1836, 1900, 1905,
1914
© Эксмо, 1819, 1836, 1900, 1905, 1914

Содержание

Теофиль Готье	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Любовь после смерти. Истории о вампирах

Антология

© Айзенштейн Е., Антонов С., Лихачева С., Савельев К., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Теофиль Готье

Любовь после смерти

Вы меня спрашиваете, брат, любил ли я; да.

Это особенная и ужасная история, и, хотя мне сейчас шестьдесят шесть, я едва осмеливаюсь коснуться пепла этого воспоминания. Я не хочу ни в чем вам отказывать, но я не стал бы испытывать душу подобной историей. События столь странные, что я не могу поверить, что это произошло со мной. Прошло уже около трех лет с момента, как я был игрушкой этой единственной в своем роде и дьявольской иллюзии. Я, бедный деревенский священник, проводил все ночи (дай Бог, чтобы это происходило во сне!) в проклятой жизни, жизни мирской и страстной (развратной). Один взгляд, слишком полный обожания, кинул я на женщину, думаю, по причине потерянности моей души, но в конце концов с помощью Бога и моего святого покровителя мне удалось изгнать злого духа, который овладел мной. Мое существование ночью было сложной жизнью совершенно особого рода. Днем я был священником Господа и целомудренно занимался молитвой и святыми дарами, а ночью, когда я закрывал глаза, я превращался в молодого синьора, знатока женщин, собак и лошадей, игравшего в кости, пьяницу и богохульника, а когда вставала заря и я просыпался, мне казалось, напротив, что я сплю и что я вижу сон о том, что стал священником. Эта сомнамбулическая жизнь оставила во мне воспоминания о предметах и словах, которыми я не мог себя защитить, хотя я никогда не покидал пределов моей пресвитерии; скорее, кажется, я был земным человеком, который воспользовался всеми доходами и миром, входил в религию и мечтал закончить слишком беспокойные дни на груди Бога, нежели смиренным семинаристом, который превратился в кюре в глубине леса, без какого-либо сообщения со своим веком.

Да, я любил, как никто в мире любить не может, любовью бессмысленной и яростной, неистовой, которой я был поражен так, что она едва не разорвала мое сердце. Ах! Какие ночи! Какие ночи! С самого милого моего детства я чувствовал стремление стать священником, все мои занятия также были направлены к этому, и вся моя жизнь, до двадцати четырех лет, не была ничем, как долгим послушанием.

Моя теология закончилась, я успешно последовательно прошел через все маленькие предписания, и мои наставники считали меня достойным, несмотря на то что я был очень юн и хрупок, последнего посвящения. День моего рукоположения совпал с Пасхальной неделей.

Я никогда бы не пошел в мир, мир ограничивался для меня колледжем и семинарией. Я смутно представлял себе нечто, что мы называем женщиной, но я останавливался на этом мою мысль; я был совершенно невинен. Я видел мою старую и больную мать не более двух раз в году. Это были все мои взаимоотношения с внешним миром.

Я не сожалел ни о чем; я не колебался под влиянием этого безотзывного обязательства; я был полон радости и нетерпения. Никогда юный жених не считал часы с более лихорадочным оживлением; я не спал, мечтая, что скажу на мессе; быть священником – я не видел ничего более прекрасного в мире: я бы отказался быть царем или поэтом. Мои амбиции не простирались далее.

Все это я говорю для того, чтобы показать вам, каким образом я пришел к тому, к чему пришел, как я стал жертвой непостижимой чары.

Настал великий день, когда я отправился в церковь. Я шел так легко, что мне казалось, словно меня нес воздух или что у меня на плечах крылья. Я казался себе ангелом, я изумлялся темным физиономиям озабоченных моих товарищей, ведь нас было несколько. Я провел ночь в молитвах, находясь в состоянии почти экстаза. Епископ, почтенный старик, напоминал мне Бога Отца, склоненного к своей Вечности, и я видел небо через своды храма.

Вам знакомы детали этой церемонии: благословение, причащение двух видов, помазание ладоней рук маслом оглашенных и, наконец, святая жертва, приносимая епископом. Я не буду на этом останавливаться. О! Иов прав, что неосторожен тот, кто не заключает договор своими глазами! Случайно я поднял мою голову, которая до сих пор была склоненной, и увидел перед собой, так близко, что я мог ее коснуться, хотя на самом деле она была на большом расстоянии от меня, с другой стороны балюстрады, молодую женщину редкой красоты, по-королевски великолепно одетую.

Это было как будто пелена упала с моих глаз.

Я почувствовал себя слепцом, который вдруг вновь обрел зрение. Епископ, все время сиявший, вдруг погас, побледнели свечи в своих золотых подсвечниках, как звезды утра, и вся церковь погрузилась в совершенную темноту. Очаровательное создание выделялось в глубине тенью, как ангельское откровение; оно словно освещало само себя и скорее отдавало свет, чем вбирало.

Я опустил глаза, твердо решив больше не поднимать взгляда на то, что меня выбивало из колеи, на внешние объекты; потому что я все более и более вовлекался, и я уже не знал, что я делаю.

Минуту спустя я открыл глаза, так как увидел ресницы, сверкающие всеми цветами спектра, так в пурпуровых сумерках мы смотрим на солнце.

Ох! Как она была прекрасна! Самые большие художники, преследуя в небе идеальную красоту, не могли бы сообщить земле божественный портрет Мадонны, даже не приблизились бы к невероятной реальности. Стихи поэтов, палитра живописцев не могли передать ее взгляд. Она была настолько огромна, размерами и осанкой с богиню; ее волосы, нежные русые волосы, разделялись на макушке и бежали как два золотых потока; так можно сказать о королеве с ее диадемой; ее лоб, голубовато-белый и прозрачный, лежал широко и спокойно между двумя почти коричневыми дугами ресниц. Какие глаза! Их свет решал судьбу человека; они имели жизнь, прозрачность, пыл, сверкающую влажность, чего я никогда не видел в человеческих глазах; они бежали лучами, подобными стрелам, и я отчетливо видел, как они достигали моего сердца. Я не знал пламени, которое бы сияло с неба или из ада, но был уверен, что она пришла из первого или второго мира. Эта женщина была ангелом или демоном, а может быть, двумя сразу; она не являлась, конечно, олицетворением Евы, всеобщей матери. Ее белейшие восточные зубы сверкали в румяной улыбке; ее маленькие ямочки прорезывались каждой черточкой в розовом атласе ее очаровательной щеки. Что касается носика, он был тонок и казался гордостью всего королевства, показывая самое благородное происхождение. Блестящий агат играл на гладкой сияющей коже ее полуоткрытых плеч; ряды огромных белых жемчужин, почти такого же оттенка, как шея, спускались на ее грудь. Время от времени она двигала головой с волнообразным движением змеи или павлина, который важно и с легким холодком покачивает высоко поднятой головой в свежей вышивке воротника, похожего на серебряную шпалеру. Она была одета в бархатное платье пасагат, и его огромные, подбитые горностаем рукава спускались с бесконечной тонкостью к длинным и пухлым, идеально прозрачным пальцам; они пропускали дневной свет, как Аврора.

Все эти детали еще присутствуют во мне так, словно они виделись вчера, хотя я был в крайнем смущении, ничто от меня не ускользнуло: самый легкий нюанс, самая черная точка в углу подбородка, еле заметный пушок по углам рта; бархатистость лба, дрожащая тень ресниц на щеках – я охватывал все с паразитической ясностью.

Пока я смотрел, я чувствовал, как будто открывались во мне прежде закрытые двери, двери растворялись во всех направлениях и распахивали неизвестные перспективы; жизнь являлась мне в новом ракурсе; я почувствовал рождение мыслей нового порядка. Страшная тоска охватила мое сердце; каждая минута, которую я проводил, казалась мне секундой и веком. Церемония продолжалась, и я далеко ушел из мира рождавшихся моих желаний, так

яростно осаждавших вход. Однако я сказал *да*, когда хотел сказать *нет*, все во мне восстало и запротестовало против насилия, которое мой язык совершал над моей душой: оккультная сила оторвала меня, несмотря на усилия горла. Со мной, может быть, было то, что делают многие юные девушки, с твердым желанием отказаться от блестящего мужа, которого им навязывают, и ни одна не выполняет своего замысла. Это, без сомнения, то, что совершают некоторые бедные послушники, принимая постриг, хотя они хорошенько решили порвать с миром в момент произнесения обета. Мы не можем вызвать скандал перед всем светом, не обманув ничьих ожиданий; все это добровольно, все взгляды вам кажутся тяжелыми, как свинец; и потом, за такую крупную плату, все это установлено заранее, в некотором смысле безвозвратно, так что мысль уступает массе вещи и полностью разрушается.

Взгляд прекрасной незнакомки изменил выражение в соответствии с переменной в церемонии. Нежность и ласковость, которые были сначала на поверхности, теперь носились в воздухе недовольством, словно непонятые.

Я сделал огромное усилие, чтобы сдвинуть гору, для того чтобы описать, что я не хотел бы быть священником; но я не смог справиться; мой язык оставался прибитым к небу; и я не смог изъяснить мою волю даже самым легким отрицательным движением. Я бодрствовал в этом состоянии, как будто в кошмаре, когда вам хочется закричать слово, от которого зависит ваша жизнь, не будучи в состоянии сделать это.

Ей казалось разумным страданием то, что я проявлял, и, чтобы придать мне смелости, она бросила на меня взгляд, полный дивных обещаний. Ее глаза были стихотворением, в котором каждый взгляд нес мелодию.

Она сказала мне:

«Если ты захочешь быть со мной, я тебя сделаю более счастливым, чем сам Бог в своем раю; ангелы будут завидовать тебе. Разорви траурную пелену, в которую ты обернут; я красота, я юность, я жизнь; приди ко мне, мы будем любовниками. Что может открыть тебе Иегова взамен? Наше существование будет бежать как сон, поцелуем вечности».

«Налей вина из этой чаши, и ты свободен. Я перенесу тебя на неизвестные острова; ты уснешь на моей груди, в огромной золотой постели серебряного павильона; так как я люблю тебя и хочу тебя перенести к твоему Богу, рядом с которым так благородны сердца, наполненные потоком любви, которые сами не могут прийти к Нему».

Мне казалось, я слышу эти слова в ритме бесконечной нежности, так как ее взгляд почти звучал; фразы, которые раздавались в глубине моего сердца, как если бы невидимый рот вздыхал в моей душе. Я почувствовал себя готовым отказаться от Бога, однако мое сердце механически исполнило формальности церемонии. Красавица кинула на меня второй взгляд, то ли умоляющий, то ли взгляд отчаяния, так что слезы пронзили мое сердце, и я почувствовал больше кинжалов в груди, чем страдающая Богоматерь.

В самом деле, я был рукоположен.

Никогда человеческое лицо не отображало такую горькую тоску: юная девушка, видящая внезапно падающим замертво своего жениха; мать у пустой колыбели своего ребенка; Ева, сидящая у порога дверей рая; скупец, нашедший камень вместо своего сокровища; поэт, оставивший скомканную огнем уникальную рукопись самого прекрасного произведения, были бы не более потрясены и безутешны. Кровь совершенно застыла в ее очаровательной фигуре, и, должно быть, она была белее мрамора; ее прекрасные руки были опущены вдоль тела, как будто мускулы ее были расслаблены; она прислонилась к колонне, потому что ее ноги были согнуты и скрыты колонной.

Синева-багровый лоб мой был залит потом, более кровавым, чем на Голгофе; я направлялся к церковной двери; я задыхался; своды словно опустились мне на плечи, казалось, что моя голова держит на себе вес купола.

Когда я собирался пересечь порог, рука вдруг схватила меня; женская рука! Никто никогда не касался меня. Она была холодной, как кожа змеи, и след от нее горел, как отметина от раскаленного железа. Это была она.

– Несчастный! Несчастный! Что ты делаешь? – сказала мне она низким голосом; потом исчезла в толпе.

Прошел старый епископ; он строго посмотрел на меня. Со мной сделалась самая странная в мире перемена; я побледнел, покраснел, покрылся пятнами. Один из моих товарищей пожалел меня, поддержал и повел; я был не в состоянии найти дорогу в семинарию. На углу улицы в тот момент, пока молодой священник повернул голову в другую сторону, странно одетый негритянский мальчик приблизился ко мне и протянул мне, не останавливая движения, маленькое портмоне с золотыми краешками в уголках; он сделал мне знак спрятать его, я сунул портмоне за свой рукав, пока не остался один в моей комнате. Я попытался отстегнуть застёжку, и там не было ничего, кроме двух листочков со словами: «Кларимонда, во дворце Кончини». Я был тогда мало осведомлен в жизненных делах, я не знал Кларимонды, несмотря на ее известность, и, что я совершенно не знал, так это где находится дворец Кончини. Я делал тысячи предположений, самых разных, самых экстравагантных; но, в самом деле, до тех пор, пока я не увидел ее снова, я гадал, была ли она благородной дамой или куртизанкой.

Невозможно было уничтожить корни этой любви; я даже не думал пытаться порвать с ней, так как я чувствовал, что это была вещь невозможная. Эта женщина полностью захватила меня; одного только взгляда было достаточно, чтобы меня изменить; она заставляла меня дышать по ее воле; я больше не принадлежал себе, жил только для нее и в ней. Я совершал тысячу экстравагантностей, я целовал мою руку в том месте, где она коснулась, я повторял ее имя часами напролет. Я не мог ничего, только закрывал глаза, чтобы отчетливо представить, что она существует в реальности, и я заново повторял слова, которые она говорила мне под покровом церкви: «Несчастный! Несчастный! Что ты делаешь?» Я понял весь ужас моей ситуации, и мрачное и ужасное положение, в которое я вступил целованием, теперь показалось мне ясным. Быть священником! Быть целомудренным в речах, не любить, не различать ни пола, ни возраста, отворачиваться от всей красоты, закрыть глаза, скрыться в тени ледяного монастыря или в церкви, не видеть никого, кроме умирающих, бодрствовать при незнакомых трупах и носить на себе скорбь своей черной сутаны, разновидность того, что делает вашу одежду драпировкой вашего гроба!

Я почувствовал, что жизнь поднимается во мне, как внутреннее озеро, которое надувается и переливается через край; моя кровь с силой застучала в моих артериях; моя молодость, так долго сдерживаемая, взорвалась одним ударом, словно алое, хотевшее зацвести соцветием и вдруг открывающееся ударом грома.

Что сделать, чтобы снова увидеть Кларимонду? Не зная никого в городе, я не знал, чем могу оправдать свой выход из семинарии; мне ничего не оставалось, я просто ждал, что кюре покажет мне место, которое я должен занять. Я попытался распечатать решетки окна, но они были на такой сокрушительной высоте, что нельзя было об этом и думать. Кроме того, я не мог спуститься иначе, чем ночью: кто бы меня провел через запутанный лабиринт улиц? Все эти трудности ничего не значили для других, но были огромны для меня, бедного семинариста, вчерашнего влюбленного, без опыта, без денег и без платья.

Ах! Если бы я не был священником, я мог бы видеть ее ежедневно, я был бы ее любовником, ее мужем, говорил я себе в своем ослеплении; вместо того чтобы быть облаченным в мой печальный саван, я одевался бы в шелк и бархат, с золотыми цепями, мечом и перьями, как прекрасные юные рыцари. Мои волосы, вместо того чтобы быть обесчещенными постригом, играли бы вокруг моей шеи развевающимися кудрями. У меня были бы красивые гладкие усы, я был бы храбр. Но час перед алтарем, и всего несколько слов разделили меня с числом живых, и я сам запечатал камнем свою могилу, я своей рукой запер засовы моей тюрьмы!

Я стоял у окна. Небо было восхитительно голубым, деревья надели свои весенние одежды; природа устроила парад иронической радости. Площадь была полна народа; одни уходили, другие приходили; молодые люди и юные красавицы пара за парой направлялись в сторону сада и беседок. Товарищи шли, напевая застольные песни, это было движение, жизнь, бодрость, веселость, которые я воспринимал болезненно из-за моей печали и моего одиночества. Юная мать у двери играла со своим ребенком; она целовала дитя в маленький розовый ротик с еще не просохшими жемчужинами молока, и он делал, досадуя, тысячу божественных движений, которые знает только одна мать. Отец, державшийся на некотором расстоянии, нежно улыбался этой милой группе и, скрестив руки, сдерживал свою радость в сердце. Я не мог участвовать в этой сценке и закрыл окно; я бросился на мою кровать с ненавистью и жестокой ревностью в сердце, сжимая пальцами одеяло, как молодой тигр.

Не знаю, сколько дней оставался я так, но, повернувшись в яростном движении, я увидел аббата Серапиона, который стоял в центре комнаты и внимательно на меня смотрел.

Мне стало стыдно за самого себя, и моя голова упала на грудь; я закрыл глаза руками.

«Ромуальд, мой друг, с вами произошло что-то невероятное, – сказал мне Серапион после нескольких минут молчания. – Ваше поведение в самом деле необъяснимо! Вы, такой благовоспитанный, спокойный, тихий, двигаетесь по вашей комнате как дикое животное. Будьте на страже, мой брат, и не слушайте предложений дьявола; злого духа, блуждающего, чтобы вы никогда не посвятили себя Господу; он рыщет вокруг вас, как обольстительный волк, и делает последнее усилие, чтобы отвратить вас от Бога. Вместо того чтобы сражаться, мой дорогой Ромуальд, сделайте себе нагрудную молитву, смертоносный щит, доблестно сражайтесь с врагом, и вы его победите. Для испытания необходимы святость и золото из тонкой купели. Не пугайтесь и не теряйтесь; лучшие души, хранимые и твердые, переживали такие моменты. Молитесь, поститесь, медитируйте, и злой дух вас оставит».

Речи аббата Серапиона заставили меня вернуться к самому себе, и я стал немного более спокойным. «Я вам объявляю о вашем назначении кюре де ***, вместо аббата, который только что умер, и монсеньор епископ попросил меня вас ввести, будьте готовы завтра». Я ответил кивком головы, что буду готов, и аббат ушел. Я открыл молитвенник и начал читать молитвы, но буквы в глазах скоро стали путаться, нити мыслей смешались в моем мозгу, молитвенный том скользнул из рук, и я не сумел его удержать.

Уехать завтра безвозвратно! Присоединить к этому еще всю невозможность того, что уже было между нами! Потерять несбыточную надежду чудом встретиться! Писать ей? Кому я должен отправить мое письмо? Со святостью, в которую я облачился, кому довериться, кто бы ею возгордился?

Я чувствовал ужасную тревогу. После того как аббат Серапион сказал мне о кознях дьявола, память вернулась ко мне; странность приключения, сверхъестественность красоты Кларимонды, фосфорический свет ее глаз, жар прикосновения ее руки, несчастье, в котором она меня оставила, внезапная перемена, которая имела место, – мое благочестие исчезло в одно мгновение, – все это ясно доказывало присутствие дьявола; этой руки сатаны, может быть, была только перчаткой, которая скрывала его когти. Эти мысли бросили меня в состояние испуга, я поднял молитвенник, который упал с колен на землю, и погрузился в молитвы.

На следующий день Серапион пришел за мной, два мула ждали нас у двери, мы снарядили наш скудный багаж, он взял одного, я другого такого же. Проходя по улицам города, я смотрел на всех жильцов в окнах и на балконах и не видел Кларимонду; но было раннее утро, и город еще не открыл глаза. Мой взгляд пытался нырнуть за шторы окон и занавеси дворцов, перед которыми мы проходили. Серапион, без сомнения, отнес мое любопытство к восхищению, которое вызвано красотой архитектуры, так что он замедлил шаги, чтобы дать мне время все осмотреть. Наконец мы пришли к городским воротам и стали подниматься на холм. Когда я был на вершине, я обернулся, чтобы еще раз посмотреть на место, где жила Кларимонда.

монда. Тень облака полностью покрыла город; его голубые и красные крыши утопали в основном полутоне, где здесь и там, как белые хлопья пены, нырял утренний дым. Из-за странного оптического эффекта были видны поразительные белые и золотые лучи света; здание, которое превосходило по высоте соседние, полностью тонуло в облаке; хотя оно находилось на расстоянии лье, казалось таким близким. Мы разглядывали малейшие детали, башенки, платформы, перекрестки, даже флюгера с металлическими хвостами.

«Что это за дворец, который я вижу вон там, сияющий в лучах солнца?» – спросил я Серапиона. Он поднес свою руку к глазам и, посмотрев, ответил мне: «Это старый дворец, который принц Кончини подарил своей куртизанке Кларимонде; там происходят неслыханные вещи».

В этот момент я еще не знал, реальность это или иллюзия, я полагал, что увидел скольжение по террасе тонкой белой фигуры, она сверкнула и исчезла. Это Кларимонда!

Ах! Знала ли она, что в тот час на верхушке дороги, отдалявшей меня от нее, на которую я не должен был более ступить, пламенный и тревожный, я смотрел на дворец, в котором она жила, и ничтожная игра света, казалось, приближалась ко мне, словно приглашая меня войти? Без сомнения, она это знала, так как ее душа настолько сочувственно связана была с моей, что должна была пережить малейшее колебание; и это чувство толкало ее в еще развевающейся вуали ночи подняться на высоту террасы в замороженной росе утра.

Тень играла во дворце, это был неподвижный океан крыш и чердаков, где не было ничего, кроме гороподобных волн. Серапион коснулся своего мула, мы были готовы продолжить наше движение, и поворот дороги навсегда скрыл от меня город С., так как я не должен был в него вернуться. Через три дня пути по печальной дороге мы увидели сквозь деревья гребень колокольни, в которой я должен был служить; и, двигаясь несколькими извилистыми улицами, с соломенными домиками и дворами, мы оказались перед фасадом, который не отличался великолепием. Крыльцо украшали несколько решеток и две или три колонны из грубого необработанного камня; черепичная крыша и сами стены были из песчаника, такие же, как и столбы, и это все: слева кладбище, полное высоких трав, с огромными железными крестами посередине; справа и в тени церкви стоял дом священника. Дом был обставлен просто и аскетично.

Мы вошли; несколько кур клевали на земле редкие зерна овса; они так привыкли к черным одеждам, что не обратили на нас никакого внимания и необычайно просто позволили нам пройти. Раздался колючий и хриплый лай, и мы увидели старую собаку. Это была собака моего предшественника. Глаза, серая шерсть и все повадки указывали на самый преклонный возраст, которого может достигнуть собака. Я нежно погладил ее рукой, и она также прошлась рядом со мной с чувством непередаваемого удовлетворения. Пожилая женщина, которая была экономкой старого кюре, также вышла нам навстречу и, после того как мы вошли в низкую залу, спросила меня, намерен ли я оставить ее в доме. Я ей ответил согласием; она, и собака, и куры, и вся обстановка, которая осталась после смерти аббата, приняли меня с радостью, аббат Серапион дал за все желаемую цену.

Мое введение в должность аббат Серапион закончил в семинарии. Я остался один и без какой-либо поддержки, кроме самого себя. Я постоянно был одержим мыслью о Кларимонде и с трудом мог управлять собой. Однажды вечером я прогуливался по обрамленной буками аллее моего маленького сада и, как мне показалось, видел в беседке силуэт женщины, которая следила за всеми моими движениями, и между листьями сверкнули два глаза цвета морской волны; но это было не более чем иллюзией, и, перейдя на другую сторону аллеи, я не мог найти ничего, кроме следов на песке, таких маленьких, что можно было сказать о принадлежности их ребенку. Сад был окружен очень высокими стенами; я посетил в нем все уголки и закоулки, там никого не было. Я никогда не мог объяснить этих обстоятельств, которые были ничтожны по сравнению со странными вещами, которые должны были произойти со мной. В течение целого года я жил так, выполняя свои обязанности перед моим отечеством, молился, служил,

увещевал и оказывал помощь больным, раздавая милостыню, оставляя себе деньги лишь на самое необходимое. Но я чувствовал внутри себя крайнее бездушие, и источники благодати были закрыты для меня. Я не радовался счастью, которое дает завершение святой миссии, моя идея была в другом, и слова Кларимонды, как непроизвольный мотив, часто приходили мне на уста. О брат, хорошенько задумайтесь об этом! Подняв глаза на женщину всего один только раз, чувствуя ошибку столь легкого ее появления, в течение нескольких лет я расплачивался опытом самых ничтожных волнений: моя жизнь никогда не была такой сомнительной. Я не буду вас долго томить, рассказывая о деталях и внутренних победах, всегда следовавших за более глубоким повторением грехов, сразу перейду к решающему моменту. Однажды ночью в мою дверь постучали. Старая служанка пошла отворять, и под лучами фонаря я увидел богато одетого человека, в платье медно-красного оттенка, но по меркам иностранной моды, с длинным кинжалом. Ее первым движением был страх, но человек успокоил ее и сказал, что ему необходимо видеть меня на месте, для чего-то, в чем заключалось мое служение. Варвары воспитали его. Я собирался лечь в постель. Человек мне сказал, что его госпожа, очень благородная дама, при смерти и призывает священника. Я ответил, что готов последовать за ним, взял с собой все необходимое для соборования и в спешке вышел. У дверей нетерпеливо топтались две черные, как ночь, лошади, и из груди они выдыхали два потока пара. Он поддержал мне стремя и помог взобраться на одну, потом вскочил на другую лошадь, нажав одной рукой на излучину седла. Он сжал колени и направил свою лошадь, которая двигалась как стрела. Моя лошадь, которую я держал за поводья, пошла галопом, и мы держались совершенно равно. Мы пожирали глазами дорогу; земля была под нами, серая и искореженная, и черные силуэты деревьев пробегали, как разгромленные орудия. Мы продвигались через темный лес, настолько мрачный и такой холодный, что я чувствовал, как по моей коже бежит дрожь суеверного ужаса. Из-под копыт сыпались искры, подковы лошадей ломали камни, оставленные на нашем пути, как след огня; и, если бы кто-то в этот ночной час нас увидел, моего проводника и меня, мы напомнили бы двух освещенных призраков на лошадях из кошмарного сна. Огоньки время от времени пересекали дорогу, и галки жалобно кричали в толще деревьев, где далеко-далеко сверкали фосфорические глаза какой-то дикой кошки. Гривы лошадей были все более и более растрепанными, с их боков струился пот, их шумное дыхание сдавливало им ноздри. Но когда мой спутник увидел, что они пошатнулись, чтобы придать им сил, он издал гортанный крик, в котором не было ничего человеческого, и началась яростная гонка. Наконец вихрь прекратился; черное пространство осветилось несколькими яркими пятнами, вдруг очутившимися перед нами; шаги наших лошадей на металлической поверхности зазвучали более громко, и мы въехали под арку, которая открыла свой огромный рот между двумя огромными башнями.

Большое оживление царствовало в замке; слуги с факелами в руках двигались через двор в разных направлениях, свет поднимался и спускался туда и сюда. Я был поражен великолепной архитектурой, колоннами, аркадами, пролетами и рампами, светом конструкций, придававшим всему царственность и сказочность. Негритенок-паж, тот самый, который был послан Кларимондой (я мгновенно его узнал), помог мне спуститься, и передо мной появился мажордом, одетый в черный бархат, с золотой цепью на шее и тростью из слоновой кости в руке. Крупные слезы текли из его глаз и широко бежали по щекам на белую бороду. «Слишком поздно! – сказал он, качая головой. – Слишком поздно, синьор священник; но, если вы не могли спасти душу, пойдите и посмотрите на бедное тело». Он взял меня за руку и сопроводил в печальную залу; я плакал так же сильно, как он, так как понял, что та умирающая не кто иной, как Кларимонда, так безумно любимая. Аналой был помещен рядом с кроватью; голубоватое пламя колебалось на бронзовой подставке, бросавшей через комнату бледный робкий свет; то тут, то там мерцал выступающий край шкафа или карниза. На столе, в резной вазе, дрожала белая роза, чьи лепестки, кроме одного, который еще держался, все упали к подножию вазы, как благоуханные слезы; черная сломанная маска, веер, разного рода маскарадная

одежда висела на стульях, и можно было видеть, что смерть пришла в это роскошное жилище внезапно и без предупреждения. Я опустился на колени и побоялся посмотреть на постель, пламенно я начал читать псалмы, благодаря Богу, что Он поместил могилу между мыслями этой женщины и мной, чтобы я мог присоединить мои молитвы к Его имени и освятить их службой. Но понемногу этот импульс угасал, и я впал в задумчивость. Эта комната словно и не была комнатой смерти. Вместо зловонного, трупного воздуха, которым я привык дышать во время траурных бдений, я ощущал томное курение восточных эссенций, или я не знаю, какой любовный женский запах нежно плыл в тепловатом воздухе. Этот бледный свет выглядел наполовину предназначенным для желтого отражения ночника, который дрожал рядом с телом. Я думал о том странном и единственном в своем роде шансе, который вернул мне Кларимонду в тот момент, когда я потерял ее навсегда, и вздох сожаления пробежал по моей груди. Мне показалось, что позади меня тоже вздохнули, и я невольно обернулся. Это было эхо. В этот момент мой взгляд упал на парадную постель, смотреть на которую до сих пор я избегал. Красное дамасское полотнище с большими цветами, отделанное золотом, своей формой передавало облик покойницы, лежащей во всю длину с руками, соединенными на груди. Тело было покрыто льняным полотном ослепительной белизны, еще более выделявшимся на фоне темного пурпура и таким тонким, что оно не скрывало прекрасную форму тела и позволяло следовать за прекрасными линиями, изогнутыми, как шея лебедя, которого не заставит одеревенеть сама смерть. Можно сказать, что это была алебастровая статуя, сделанная каким-то умелым скульптором, предназначенная для установки на могиле королевы или юной девушки, заснувшей под снегом.

Я не мог более сдерживаться; воздух алькова опьянял меня, лихорадочное чувство наполовину увядшей розы бросилось в голову, большими шагами я ходил по комнате, всякий раз останавливаясь перед пьедесталом, чтобы понять, мертва ли девушка в прозрачности ее савана. Странные мысли пронзали мой дух; я заключил для себя, что она не в реальной смерти и что это отвлекающий маневр, который она использовала, чтобы заполучить меня в замок и насладиться своей любовью ко мне. В это самое мгновение мне показалось, что я увидел перемещение ее ноги в белом покрывале, нарушившее правильные складки пелены.

И потом я сказал себе: «И это действительно Кларимонда? Что это доказывает? Может быть, этот черный паж был послан совсем другой женщиной? Я был безумен в своем переживании, меня все это слишком потрясло». Но мое сердце ответило мне биением: «Это точно она, это точно она». Я приблизился к постели и посмотрел на нее с пристальным вниманием. Признаться ли вам? Это совершенство форм, хотя очищенных и освященных тенью смерти, смущало чувственно более, чем должно было, и этот отдых казался сном, который представляется нам искусственным. Я забыл, что пришел туда для похоронного обряда, и я представил, что был юным мужем, вошедшим в комнату невесты, которая из скромности спрятала свое лицо и не хотела, чтобы ее увидели. Погрузившись в страдания, вне себя от радости, дрожа от страха и удовольствия, я приблизился к ней и взялся за край простыни; я неторопливо его поднял, замедлив дыхание и боясь проснуться. Мои артерии пульсировали с такой силой, что я почувствовал свист в моих висках, пот капал с моего лба так, как будто я оживил мраморную плиту. Это была в самом деле Кларимонда, которую я видел в церкви во время моего рукоположения; она была так же прекрасна, как и тогда, и смерть ее казалась кокетством. Бледность ее щек, менее ярко розовые губы, длинные опущенные ресницы, резная коричневая их бахрома на фоне этой белизны создавали невероятную экспрессию, придававшую ей целомудренную меланхоличность и властную обольстительность задумчивого страдания. Ее распущенные длинные волосы, кое-где убранные какими-то маленькими голубыми цветочками, приколотыми за ухом, защищали кудрями обнаженные плечи. Ее прекрасные руки, чистейшие, светящиеся более, чем их хозяйка, пересекались в позе набожного покоя и тихой молитвы, она была слишком привлекательной даже в самой смерти. На изысканно округлых и гладких

обнаженных руках цвета слоновой кости не видно было жемчужных браслетов. Долгое время я оставался поглощенным молчаливым созерцанием, и чем больше я смотрел на нее, тем меньше мог поверить, что жизнь навсегда остановилась в этом прекрасном теле. Я не знаю, была ли это иллюзия или игра отражений лампы, но можно было сказать, что кровь начала снова циркулировать под этой матовой бледностью, хотя она находилась в совершенной неподвижности. Я легко коснулся ее руки; она была холодной, но не более холодной, однако, чем ее же рука в тот день, когда она коснулась моей в церковных стенах. Я вновь наклонился к ее губам и позволил течь по щекам росе моих слез. Ах! Какое горькое чувство отчаяния и беспомощности! Мука, какой я не знал раньше! Я имел желание собрать мою жизнь в пучок и вдохнуть в Кларимонду ледяное пламя, которое меня пожирало. Ночь приблизилась, и я почувствовал момент вечного разъединения; я не мог отказаться от этой печали и от высшей сладости поцелуя в ее мертвые губы, который выразил бы всю мою любовь. О чудо! Легкое дыхание ее смешалось с моим дыханием, и рот Кларимонды ответил моему прикосновению: ее глаза открылись и просияли слабым светом, она вздохнула, разомкнула руки и обвила их вокруг моей шеи с несказанным ощущением. «Ах! Это ты, Ромуальд, – сказала она голосом томным и нежным, словно последние вибрации арфы, – но что ты делаешь? Я так долго ждала тебя, что умерла, но теперь мы поженимся, теперь я могу тебя видеть и пойду с тобой. Прощай, Ромуальд, прощай! Я люблю тебя, это все, что я хотела тебе сказать, и я возвращаю тебе жизнь, которую ты напомнил мне в минуту твоего поцелуя, до скорой встречи!»

Ее голова упала назад, но она протянула свои руки, как будто хотела меня удержать. Резкий разгневанный ветер разбил окно и ворвался в комнату; последний лепесток белой розы трепетал, как крыло на краю стебля; потом он оторвался и вылетел в окно, унеся с собой душу Кларимонды. Лампа погасла, и я упал без чувств на грудь прекрасной покойницы.

Когда я пришел в себя, я лежал на постели в моей маленькой комнате священника, и старая собака прежнего кюре лизала мою руку, вытянутую на одеяле. Барбара хозяйничала в комнате, со старческой дрожью в теле, открывая и закрывая ящики или перемешивая порошки в стаканах. Увидев мои открытые глаза, старуха издала крик радости, собака взвизгнула и замаяхала хвостом; но я был так слаб, что не мог произнести ни слова, сделать ни одного движения. Эти три дня можно вычестить из моей жизни; я не знаю, где мой дух витал в течение этого времени; я не сохранил об этом воспоминаний. Барбара сказала мне, что тот самый человек с лицом цвета меди, который сопровождал меня и пришел за мной в ночной час, доставил меня потом утром в закрытой повозке и немедленно уехал. Как только у меня появилась возможность обдумать пережитое, я сразу стал вспоминать все перипетии этой роковой ночи. Сначала я решил, что был игрушкой волшебной иллюзии; но реальные и ощутимые обстоятельства разрушили это предположение. Я не мог поверить, что это был сон, потому что Барбара видела человека на двух черных лошадях, она точно его описала. Однако никто не знал замка в окрестностях, который бы совпал с описанием замка, где я нашел Кларимонду.

Однажды утром я увидел входящего аббата Серапиона. Барбара сообщила ему, что я болел, и он в спешке прибежал. Хотя создавалось впечатление, что он испытывал интерес к моей персоне, его визит не принес мне удовольствия, которое она стремилась мне доставить. Во взгляде аббата Серапиона было что-то пронизывающее и инквизиторское, что меня сконфузило. Я себя чувствовал смущенным и виноватым перед ним. С самого начала он открыл мои внутренние сомнения, и я был удивлен этой проницательностью.

Он стал меня спрашивать о моем здоровье лицемерно-сладким тоном, остановив на мне два желтых львиных глаза, он углублялся, как зондом, в глубину моей души. Потом он меня о чем-то спросил в том же духе, как идет мое лечение, и нравится ли мне, как я провожу время, которое министерство дало мне для досуга, сделал ли я какие-то знакомства среди местных жителей, какие у меня любимые книги и о тысяче других аналогичных деталей. Я отвечал на все как можно короче, и он сам, без внимания к тому, чем я закончу, перешел к другим

вещам. Этот разговор, очевидно, не имел никакого отношения к тому, что он хотел сказать. Потом, без каких-либо приготовлений, как об истории, которую он на мгновение вспомнил и боялся вдруг забыть, он мне сказал ясным и дрожащим голосом, звучащим в моем ухе, как труба последнего суда:

«Великая куртизанка Кларимонда недавно внезапно умерла от оргий, которые длились восемь дней и восемь ночей. Это было что-то inferнально великолепное. Рассказывают, в духе мерзостных празднеств Бальтазара и Клеопатры. В каком веке живем мы, мой Бог! Гостей обслуживали смуглые рабы, говорившие на неизвестном языке, настоящие демоны; ливрея меньшего из них могла бы служить праздничным платьем императора», – он все время следовал странной истории о Кларимонде, сообщал о том, что все ее любовники закончили жизнь в нищете или насилии: «Говорят, что это упырь, женский вампир; но я полагаю, что это Вельзевул собственной персоной».

Он так внимательно смотрел на меня, как никогда, словно хотел увидеть эффект, который произвели его слова. Я не мог защититься от звучания имени Кларимонды, и ее смерть, и страдание, которое причинило мне странное совпадение с ночной сценой, коей я был свидетелем, кинули меня в сомнения и испугали; испуг был написан на моем лице, хотя я пытался совладать с собой. Серапион посмотрел на меня взглядом беспокойным и строгим; потом он сказал: «Мой сын, я должен вас предупредить, вы у подножия бездны, остерегитесь упасть. У Сатаны длинные когти, и усыпальницы не всегда надежны. Камень Кларимонды должен быть запечатан тройной печатью; так как неправда то, о чем говорили в первый момент, как она умерла. Бог с вами, Ромуальд!»

После того как Серапион произнес эти слова, он медленно повернулся к двери, и я больше не видел его, потому что почти сразу он пошел к С.

Я полностью выздоровел и возобновил свои прежние обязанности. Память о Кларимонде и слова старого аббата навсегда остались в моем сознании; тем не менее никакие невероятные события не подтвердили мрачный прогноз Серапиона; и я начал верить, что его и мои опасения слишком преувеличены; но ночью я увидел сон. Я испил первые глотки сна, как услышал звуки занавеса над моей постелью и шумное скольжение колес по шарнирам полога; я резко поднялся, опираясь о локоть, и увидел тень стоявшей рядом женщины. Я сразу узнал Кларимонду. Она взяла в руку маленькую лампу той формы, которые обычно помещают в гробницах, свет лампы падал на ее тонкие пальцы, придавая им вид прозрачной розы, которая продолжала бесчувственно увядать в непрозрачной молочной белизне ее обнаженной руки. Ее единственной одеждой был льняной саван, который покрывал ее парадную постель; она держала складки на груди, словно стыдясь такой неубранности, но ее маленькая рука не справлялась; она была белой, так что цвет драпировки соединялся с бледным цветом плоти под тусклыми лучами лампы. Завернутая в тонкую ткань, передававшую все контуры ее тела, она, скорее, напоминала мраморную статую античной купальщицы, чем живую женщину. Смерть или жизнь, статуя или женщина, тень или тело, ее красота была той же самой; только зеленый свет глаз был немного приглушенным, и ее рот, ранее нарумяненный, был не оттенка розы, слабой и нежной, а почти напоминал щеки. Маленькие голубые цветы, которые я заметил в волосах, все высохли и почти потеряли свои листья; это не мешало им быть очаровательными; несмотря на необыкновенность происходящего и невероятность способа, которым она вошла в комнату, я ни на мгновение не почувствовал страха.

Она поставила лампу на стол и села у подножия моей кровати, потом она сказала, наклонившись ко мне, таким серебряным и бархатистым голосом, что я сразу узнал ее:

«Я так долго ждала, мой дорогой Ромуальд, и ты мог предположить, что я тебя забыла. Но я пришла так издалека и прямо оттуда, откуда никто еще не мог вернуться. Нет ни луны, ни солнца в стране, откуда я пришла; это не пространство, ни тень, ни путь, ни тропа, ни точка земли для ноги, ни воздух для крыла; однако вот она я, потому что эта любовь сильнее, чем

смерть, и в конечном счете побеждает. Ах! Что за унылые физиономии и ужасные вещи видела я во время моего путешествия! Как болела моя душа, когда летела в этот мир могуществом воли, чтобы вернуться в тело и воплотиться! Какие усилия мне пришлось сделать, прежде чем подняться сквозь плиты, покрывавшие меня! Твоя! Внутри мои бедные руки опочили. Поцелуями исцели их, любовь моя!» – Она положила одну за другой холодные ладони мне на рот; и я в самом деле несколько раз поцеловал их; и она посмотрела на меня с несказанно удовлетворенной улыбкой.

Признаюсь к своему стыду, я абсолютно забыл о предостережении аббата Серапиона и об образе, в который облачился. Я сдался без сопротивления при первой же атаке. Я не пытался отразить искусительницу; свежесть кожи Кларимонды проникала в меня, и я почувствовал, как по моему телу побежали токи желания. Бедный юноша! Несмотря на все, что я видел, мне еще трудно было поверить, что это действия демона; по крайней мере, она не была из воздуха, и никогда Сатана не прятал лучше свои когти и рожки. Она поджала ноги и сидела на краю кровати с видом кокетливой беспечности. Время от времени она проводила своей маленькой рукой по моим волосам и перебирала кудри, как будто хотела сделать мне новую прическу. Я оставался в состоянии беспечности, и она сопровождала это самым очаровательным лепетом. Самое странное, что я не считал удивительным это экстраординарное приключение, и с такой простотой признавал легкую силу самых необычных событий; я не видел в этом ничего, кроме природного совершенства.

– Я любила тебя задолго до того, как мы увиделись, дорогой Ромуальд, и я тебя всюду искала. Ты был моим сном, и я увидела тебя в церкви в роковой час; я сказала сразу: это он! Я кинула на тебя взгляд и в нем отдала всю любовь, которую имела, которую я должна была разделить с тобой; взгляд, проклинающий кардинала, заставляющий коленопреклониться передо мной короля и весь его двор. Ты остался недоступным, и ты предпочел мне твоего Бога.

Ах! Я ревную тебя к Богу, которого ты любишь, и ко всему, что ты любишь больше меня!

Несчастливая, несчастная я! У меня никогда не было твоего сердца для меня одной, которую ты воскресил своим поцелуем; Кларимонда умерла там; какие силы говорили с тобой у дверей гроба, кто пришел, чтобы посвятить тебе жизнь, неповторимую, чтобы вернуть тебе счастье!

Все эти слова перемежались жаркими ласками, которые оглушили мои чувства и мой разум до такой степени, что я без опаски смог выговорить утешительные слова страшного кощунства, сказав ей, что любил ее так, как любят Бога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.